

В. А. ВИНОГРАДОВ, И. ХЕРМС

Д. ВЕСТЕРМАН И РАЗВИТИЕ АФРИКАНИСТИКИ

(К 100-летию со дня рождения)

В июне исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося немецкого африканиста Дидриха Вестермана (1875—1956). Начав свой путь в африканистике с простого миссионера (1901—1903), он стал профессором Берлинского университета, членом Прусской АН, заведующим отделением Африки Немецкого исследовательского института зарубежных стран. В 1926—1939 гг. Д. Вестерман — один из двух директоров только что созданного Международного института африканских языков и культур в Лондоне, редактор и член редколлегии журналов «Africa» (Лондон), «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen» (Берлин) и ряда других, редактируемых в разные годы с 1909 по 1956 гг. Будучи одним из ведущих авторитетов мировой африканистики XX в., Д. Вестерман живо и глубоко интересовался не только языками, но и историей, культурой, этнографией народов Африки, — в этих областях его вклад также весьма ощутим¹. Однако в историю науки Д. Вестерман вошел прежде всего как африканист-языковед, и именно этой стороне его многогранной научной деятельности посвящается эта статья.

За свою более чем полувековую творческую жизнь Вестерман опубликовал свыше 200 работ, среди которых значительное число составляют солидные монографии — описательные грамматики, словари, исследования общего характера. Неоднократно бывая в Африке и после окончания миссионерской деятельности, Вестерман собирал богатый и порой уникальный материал в условиях полевой работы; знание им многочисленных языков Африки было непосредственным и глубоким, что, конечно, придавало его лингвистическим штудиям характер фундаментальных и авторитетных исследований. Не случайно лишь немногие из африканистов решались на столь трудную задачу, как общая генетическая классификация африканских языков, и среди них почетное место принадлежит Вестерману².

В трудах Вестермана отразилась его ищущая творческая натура: по мере расширения и углубления его практического знания африканских языков менялись и его взгляды на характер их генетических взаимоотношений, их типологической принадлежности; многие из своих общих выводов и построений Вестерман называл предварительными, несмотря на

¹ Достаточно сослаться на такие его труды, как: «The Shilluk people, their language and folklore», Berlin — Philadelphia, 1912; «Die Kpelle», Göttingen — Leipzig, 1921; «The African to-day and tomorrow», 3 ed., London, 1949; «Geschichte Afrikas. Staatenbildungen südlich der Sahara», Köln, 1952.

² Ср. следующее высказывание А. Клингенхедена в его рецензии на книгу Д. Вестермана «Die westlichen Sudansprachen»: «Несомненно, никто не владеет обширным материалом основательнее и потому для разработки данной темы не является более подготовленным, чем именно Вестерман» («Orientalistische Literaturzeitung», 30, 1927, стр. 1016).

то, что приходил он к ним после десятилетий упорного, кропотливого исследования. Самокритичность, умение признать ошибочность своих прежних взглядов — эта замечательная черта нередко бывает чужда признанным мэтрам науки, но Вестерман до конца жизни оставался честным и принципиальным ученым. Когда появились первые работы Дж. Гринберга по классификации африканских языков (1949—1950), во многом опровергающие систему Вестермана, почетный патриарх африканистики приветствовал их как новое свежее слово в науке и без всяких оговорок отметил неудовлетворительность всех до сих пор существовавших классификаций (включая, разумеется, и его собственную)³.

Формирование Д. Вестермана как ученого происходило в годы интенсивной германской колонизации Африки, начавшейся в 1884 г., и активной миссионерской деятельности. Практические задачи требовали подготовки квалифицированных кадров для работы в колониях, что стимулировало изучение и преподавание основных языков Африки в светских и церковных учебных заведениях Германии. В области научной африканистики Германия в этот период занимала ведущее место; наиболее значительные достижения в этой области были связаны с именем К. Мейнхофа — признанного лидера мировой африканистики. Усилиями К. Мейнхофа, продолжившего исследования первых компаративистов по языкам банту (и прежде всего У. Блика), была создана сравнительно-историческая бантуистика, базирующаяся на младограмматических принципах индоевропейского языкознания⁴. Кроме того, к 1900 г. накопилось значительное число научных и практических грамматик и словарей по многим языкам Африки, авторами которых в большинстве случаев были немцы и английские миссионеры.

Д. Вестерман, получивший лингвистическое воспитание в рамках немецкой африканистической школы К. Мейнхофа, стал его убежденным последователем и соратником. Гораздо позднее он придет к пересмотру основной концепции своего учителя, отказавшись от ее ключевой идеи, известной под названием «хамитской теории»⁵. Сферой своих специальных интересов Вестерман избрал так называемые суданские языки — лингвистическое море, раскинувшееся на огромном пространстве от Сенегала до верховьев Нила. Необходимость заняться исследованием этих языков объяснялась не только их малой изученностью по сравнению с языками банту, но и тем обстоятельством, что в стройной системе Мейнхофа суданские языки (точнее — суданский языковой тип) были одним из трех китов, на которых покоилось все языковое разнообразие африканского континента: хамитские, суданские, банту. Цель исследования определялась исходной гипотезой, согласно которой каждому из этих чистых языковых типов соответствует единый праязык. Реконструкция прабанту в общих чертах была намечена Мейнхофом, и на долю Вестермана выпало доказательство родства всех суданских языков с последующей реконструкцией прасуданского.

Первое решение поставленной перед ним задачи Вестерман дал в 1911 г. в книге «Суданские языки»⁶. Исследование строилось на материале хорошо

³ D. Westermann, African linguistic classification, «Africa», 1952, 22,3 (русс. перев.: Д. Вестерман, Лингвистическая классификация африканских языков, сб. «Африканское языкознание», М., 1963, стр. 332).

⁴ C. Meinhof, Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen, Berlin, 1899; его же, Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen, Berlin, 1906.

⁵ Подробнее об истории и критике этой теории см.: Д. А. Ольдерогге, Хамитская проблема в африканистике, «Советская этнография», 1949, 3; его же, Современное состояние и проблемы изучения языков Африки, ВЯ, 1961, 4; его же, Послесловие, сб. «Африканское языкознание», М., 1963.

⁶ D. Westermann, Die Sudansprachen, Hamburg, 1911.

известных автору западносуданских языков — тви, эве, йоруба, га, афик и нескольких восточносуданских — динка, нуба, кунама. По вполне понятной причине в анализ не включен язык фула (фульбе), хотя к этому времени Вестерман хорошо его знал и был автором учебника фула, вышедшего в 1909 г.; этот язык был главным козырем сторонников хамитской теории, считавших его хамитским по строю и лучше других сохранившим прахамитские черты. В полном соответствии с теорией и методом Мейнхофа Вестерман стремился увидеть родство всех названных языков на основании наличия в них определенных общих черт в звуковой и грамматической структуре, лишь подкрепляемых строгими компаративными данными, которых, однако, явно не хватало для бесспорного вывода о происхождении исследуемых языков из одного источника. Тем не менее, Вестерман предпринял попытку реконструировать некоторые фрагменты прасуданского языка, сознавая при этом шаткость предложенных реконструкций, которые плохо согласовывались с данными восточносуданских языков.

Чувство неудовлетворенности результатами этого исследования не позволило Вестерману считать его завершенным, и он продолжает собирать новый материал, расширяя круг изучаемых языков в поисках новых и более убедительных подтверждений (или опровержений) своей гипотезы, но по-прежнему оставаясь на позициях мейнхофской теории. Итогом этих поисков явился фундаментальный труд, которому предшествовала серия статей на ту же тему и который впервые продемонстрировал непрочность трехчленного построения Мейнхофа — «Западносуданские языки и их связи с банту»⁷. Эта книга, не утратившая своего значения до наших дней, стала после работ Мейнхофа наиболее значительным вкладом в развитие мировой африканистики.

Наблюдения Вестермана над генетическими связями суданских языков привели его к следующим выводам: 1) суданские языки не образуют столь же очевидного единства, как языки банту; 2) сравнение реконструированных корней в прасуданском и прабанту указывает на несомненное древнейшее родство между языками банту и суданскими⁸. Это было открытие, сулящее новые перспективы в исследовании и классификации языков Африки. Содержащаяся в книге классификация западносуданских языков на долгие годы стала наиболее популярной и по существу единственной, признанной большинством исследователей. Она включала шесть групп: I — ква, II — Бенуэ-Кросс, III — остаточные языки Того (Togotsprachen), IV — гур, V — западноатлантические, VI — манде (мандинго). К группе ква Вестерман предположительно отнес язык иджо, к группе гур — сонгаи. Позднейшие исследования подтвердили правоту ученого в случае с языком иджо; что касается сонгаи, то в своей последней классификации Вестерман выделяет его как самостоятельную группу диалектов⁹.

В этой книге Вестерман остается верным своему методу, примененному им в «Суданских языках», и подробному исследованию шести групп западносуданских языков предпослан краткий очерк структурных черт, общих для всех рассматриваемых языков. Типологизм в определении языковых семей и групп, фигурирующих как единицы генетической классификации, — вообще характерная особенность школы Мейнхофа, на

⁷ D. Westermann, Die westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu, Berlin, 1927.

⁸ Там же, стр. 5, 119.

⁹ D. Westermann, M. A. Bryan, Languages of West Africa, Oxford, 1952 («Handbook of African languages», pt. II), стр. 46.

которую как на серьезный методологический недостаток много лет спустя указал Дж. Гринберг в рецензии на только что упомянутый труд Д. Вестермана и М. Брайен¹⁰. Определению языка суданского типа была посвящена специальная работа Вестермана¹¹, где он перечисляет такие признаки, как односложность корня, наличие тонов, отсутствие грамматического рода и глагольного спряжения, характерный порядок подлежащего, сказуемого и дополнения, структура пассивной конструкции «обладатель + обладаемое» и т. д. Но как бы ни важны были эти признаки для понимания структуры указанных языков, они сами по себе не могут отграничить суданские языки как генетически единую семью. Неудача, постигшая Н. С. Трубецкого в его попытке переформулировать единство индоевропейских языков в типологических терминах¹², лишний раз доказывает необходимость строгого сравнительно-исторического обоснования всякой генетической гипотезы и невозможность подмены его критериями иного плана.

В книге «Западносуданские языки» по-прежнему не упоминается язык фула, и это, пожалуй, было единственным подтверждением того, что Вестерман все еще верит в неизбежность теории Мейнхофа. Однако в эти же и последующие несколько лет появилось много исследований языка фула, среди которых прежде всего следует назвать работы А. Клингенхебена, доказавшие несомненную близость этого языка к другим западносуданским языкам с именными классами (в частности, волоф и серер). Когда книга Вестермана была уже в наборе, он выступил с рецензией на одну из первых работ А. Клингенхебена («Die Präfix-Klassen des Ful», 1924), содержащую критику грамматической интерпретации фула, данную Вестерманом. В своей рецензии Вестерман признает справедливость критики и обоснованность отнесения фула к группе западносуданских языков¹³, и с 1935 г. язык фула стал определяться Вестерманом как суданский. Исследования И. Лукаса¹⁴ убедили Вестермана в ошибочности квалификации языка хауса как хамитского, что нашло отражение в книге «Этнография Африки» (где Вестерману принадлежит раздел «Язык и образование»): здесь хауса включается уже в группу, названную Вестерманом «хауса-котоко»¹⁵; этот классификационный термин долгое время оставался наиболее употребительным.

В «Этнографии Африки» дается общая классификация африканских языков, в которой уже нет никаких следов хамитской теории: язык фула занял подобающее ему место среди бантоидных языков с именными классами, восточносуданские выделены в особую семью нилотских языков, готтентотские и бушменские объединены в рамках более крупной классификационной единицы, названной «койсанские языки» (после Мейнхофа готтентотские языки принято было считать хамитскими). В целом Вестерман различает три крупных языковых объединения: I. Койсанские языки, II. Негрские языки, III. Хамито-семитские языки. Эта система послужила основой для последующих классификаций Д. А. Ольдерогге

¹⁰ См.: «Language», 30, 3, 1954, стр. 306. Ряд других недостатков, присущих книге Вестермана, отмечен А. Такером (А. Н. Такер, *Филология и Африка*, сб. «Африканское языкознание», М., 1963, стр. 350).

¹¹ D. Westermann, *Charakter und Einteilung der Sudansprachen*, «Africa», 8, 2, 1935.

¹² Н. С. Трубецкой, *Мысли об индоевропейской проблеме*, ВЯ, 1958, 1.

¹³ См.: «Orientalistische Literaturzeitung», 1926, 29, стр. 536—538.

¹⁴ J. Lukas, *Zentralsudanische Studien*, Hamburg, 1937.

¹⁵ H. Baumann, R. Thurnwald, D. Westermann, *Völkerkunde von Afrika*, Essen, 1940, стр. 393.

и Дж. Гринберга¹⁶, каждая из которых в разной степени видоизменяет классификацию Вестермана.

В настоящее время особенно широкое распространение получила классификация Гринберга. Благодаря исследованиям Вестермана, доказавшим близость всех западносуданских языков и их связи с языками банту, оказалось возможным сделать дальнейший шаг в установлении генетических отношений между языками Африки. Этот шаг сделан Гринбергом, объединившим языки банту, бантоидные и западносуданские в семью нигер-конго, которая вместе с кордофанскими составила макросемью конго-кордофанских языков. Второе макрообъединение — нило-сахарские языки, среди которых отдельную семью образует сонгаи, а пилотские языки на правах подгруппы входят в семью пари-нильских языков (восточносуданская группа). Койсанская макросемья включает, кроме койсанских языков Вестермана, сандаве и хадза (хатса), а вместо традиционной семито-хамитской семьи выделяется макросемья афро-азиатских языков, в которой на уровне семей различаются семитские языки, египетский, берберские, кушитские и чадские, — таким образом, термин «хамитские» как скомпрометированный хамитской теорией предлагается полностью изъять из употребления¹⁷. Классификация Дж. Гринберга в свою очередь служит основой для дальнейших уточнений и гипотез¹⁸, и можно воочию убедиться, что дело, начатое Вестерманом, не только не предано забвению, но продолжает определять содержание и направление историко-лингвистических изысканий в современной африканистике.

Наряду с разработкой классификационных проблем, которыми Вестерман занимался на протяжении всей жизни и все-таки считал свои результаты предварительными, он уделял много внимания описательной африканистике, поскольку изучение конкретных языков создавало базу для генетических построений, не говоря уже о необходимости заполнять пробелы в знаниях об африканских языках. С первых лет своего знакомства с Африкой в роли миссионера Вестерман начал собирать материал для словаря языка эве, который вышел в 1905—1906 гг. и, несмотря на научную молодость составителя, являет собой образец полноты и тщательности, а год спустя Вестерман публикует грамматику этого языка¹⁹. Исследования по языку эве создали Вестерману имя, выдвинув его в число наиболее серьезных и обещающих африканистов того времени. Все работы такого рода, вышедшие из-под пера Вестермана, отличает доскональность описания и великолепное знание материала, что проявилось, например, в описании им глагольных конструкций эве.

К этому языку Вестерман обращался неоднократно, исследуя его на всех уровнях от фонетики до синтаксиса. Кроме того, им описаны — как монографически, так и в виде статей — языки логба, нама, фула, хауса, шиллук, нуэр, кпелле, гола, ибо, эдо, нупе и мн. др. Для работ Вестермана характерно стремление охватить все стороны языковой системы, пока-

¹⁶ См.: Д. А. Ольдерогге, Языки и письменность народов Африки, «Африка. Энциклопедический справочник», М., 1963; J. Greenberg, The languages of Africa, IJAL, 29, 1, 1963.

¹⁷ Неудовлетворенность этим термином побудила африканистов разных стран искать новые: так появился термин «паранилотские» вместо «нило-хамитские», предложенный английскими учеными (А. Тагер, М. Брайн), «афро-азиатские» вместо «семито-хамитские», предложенный И. М. Дьяковым (в английской африканистической литературе их иногда называют «эритрейские», пользуясь старым термином Л. Рейниша).

¹⁸ Ср., например: C. F. and F. M. Voegelin, Languages of the world: African fascicle one, «Anthropological linguistics», 6, 5, 1964.

¹⁹ D. Westermann, Wörterbuch der Ewe-Sprache, I. Tl.: Ewe-Deutsch, Berlin, 1905; II. Tl.: Deutsch-Ewe, Berlin, 1906; ег о ж е, Grammatik der Ewe-Sprache, Berlin, 1907.

зате отражение в каждом из языков того языкового типа, который определяет особенности их структуры. Поэтому, например, описывая язык эве и другие языки группы ква, Вестерман особое внимание уделяет синтаксису, который при отсутствии развитой морфологии становится основным организующим средством в построении высказывания. Вестерман принадлежит к тем лингвистам, на чьи описания можно положиться полностью, а в ряде случаев именно его труды являются единственными, заслуживающими доверия.

Было бы неправильным думать, что Вестерман при изучении конкретных языков ограничивался исключительно описательными целями. Выше уже говорилось, что его всегда интересовали структурные закономерности, свойственные группам родственных и неродственных языков. Особенно значителен вклад Вестермана в теорию языков с именными классами. Он называл их «*Klassensprachen*», избегая терминов «бантоидные» и «полубанту», поскольку многие из них оказываются типологически и генетически более близкими к языкам ква и мандинго, чем к банту²⁰. Язык с именными классами определяется им как язык, «в котором существительные с помощью звуковых средств, префиксов или суффиксов, разделяются на множество групп и в котором определенной группе со значением единственного числа соответствует определенная группа со значением множественного числа»²¹.

В этом определении отсутствует ссылка на понятийную сторону именной классификации, и это не случайно: для Вестермана именной класс — прежде всего грамматическая категория, и именно под таким углом зрения он исследует весь комплекс взаимосвязанных проблем грамматического описания суданских языков. Однако в этом определении отсутствует и другой признак, впоследствии признанный многими африканистами едва ли не основным признаком *Klassensprachen*: наличие в языке последовательной системы классного согласования в атрибутивных и предикативных синтагмах (ведущую роль этого признака отмечал еще У. Блик)²². Вестерман, впрочем, вовсе не сбрасывал со счета синтаксический способ выражения классных различий; указывая, что «языками, обладающими полными и именными классами, являются языки банту»²³ (разряда наша. — В. В., Н. Х.), он тем самым противопоставлял их суданским и отмечал среди ряда черт, различающих бантускую и суданскую именные классификации, также отсутствие в суданских языках полной и строгой системы согласования. И все-таки морфологический критерий определения именного класса оставался для Вестермана важнейшим, о чем свидетельствует, в частности, одна из его более поздних работ, которая только что цитировалась.

В этой работе, изобилующей примерами из многих языков и тонкими наблюдениями, проблема именного класса рассматривается на фоне развития и выражения в суданских языках категории числа, в результате чего морфологические показатели классов получают историко-типологическое освещение в одном ряду с другими способами выражения множест-

²⁰ Ср.: D. Westermann, *Die westlichen Sudansprachen...*, стр. 7.

²¹ D. Westermann, *Nominalklassen in westafrikanischen Klassensprachen und in Bantusprachen*, «*Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*», 38, 1935, стр. 2.

²² Ср.: А. Клиггенхейбен, К возникновению типов языков с именными классами в Африке, «*Африканское языкознание*», М., 1963, стр. 51; M. Guthrie, *Comparative Bantu*, pt. I, London, 1961, стр. 13.

²³ D. Westermann, *Pluralbildung und Nominalklassen in einigen afrikanischen Sprachen*, ADAW, I, 1945—1946 (русск. перев.: Д. Вестерман, Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках, «*Африканское языкознание*», М., 1963, стр. 69).

венности (удвоение, употребление некоторых существительных со значением множественности или собирательности, личного местоимения 3-го лица мн. числа, а также фонологические способы — долготное и тоновое варьирование корня и т. п.). Из этого не следует, что с функциональной, а тем более глоттогонической, точки зрения именной класс не имеет самостоятельной значимости. Вестерман признавал, что в своих истоках именная классификация отражает процесс аналитического познания человеком окружающего мира и что «в той или иной форме это явление существует в каждом языке»²⁴. Важно, однако, иметь в виду, что качественное шкалирование может по-разному соотноситься с количественным. В одних языках обязательны и те, и другие различия, но качественные (родовые) противопоставления совместимы лишь с ед. числом, а во мн. числе они нейтрализуются (так обстоит дело в родовых индоевропейских языках). В других языках системы качественных и количественных различий настолько переплетены, что множественность получает не только обязательное, но и единообразное выражение в зависимости от количества и характера качественных противопоставлений в ед. числе. Так обстоит дело в языках банту, где все существительные, для которых релевантна счетность, имеют соотношенные пары классов, реализующие количественные различия (разумеется, необходимо при этом различать такие случаи, как, например, таанда *elyato* «каное» — *amaato* «много каное», где *ama* — выражает лишь количественное противопоставление, и *amazzi* «вода», где тот же префикс реализует качественную классификацию вне противопоставлений по числу). «В таких языках с именными классами, как банту, завершивших свое развитие, — пишет Вестерман, — структура языка определяется системой классов, поэтому при создавшейся схеме образование множественного числа во всех случаях становится как будто неизбежным»²⁵.

Иная картина наблюдается в суданских языках, в грамматической категорематике которых мн. число занимает более скромное место, будучи не всегда выражаемым морфологически, если лексический контекст позволяет понять, что речь идет о множестве предметов²⁶, например, аве *atí sugbo* «много деревень», где существительное *atí* имеет форму ед. числа. Это, естественно, не могло способствовать развитию именной классификации до того уровня, какого она достигла в языках банту. Поэтому наличие некоторого разнообразия именных префиксов в ед. числе при отсутствии непременных парных им префиксов мн. числа (как это имеет место, например, в языках группы ква) трактуется Вестерманом лишь как предпосылка к развитию именных классов. Такая интерпретация полностью согласуется с глоттогонической гипотезой, высказанной им в данной работе: ссылаясь на данные этнографии (труды Г. Баумана), Вестерман полагает, что суданские «классные» языки и языки банту соотносятся с так называемой древненигритской культурой, тогда как языки ква относятся к западноатлантической культуре, и потому элементы классной организации имен в этих языках должны объясняться влиянием на них исконных суданских *Klassensprachen*, распространенных ныне севернее зоны тропического леса²⁷ (языки гур, западноатлантические, древние языки Того).

²⁴ Там же, стр. 70.

²⁵ Там же, стр. 56.

²⁶ Ср.: D. Westermann, Die Kpelle-Sprache in Liberia, Berlin, 1924, стр. 10. Такой «морфологический эллипсис» известен и другим языкам за пределами Африки, например, в венгерском: *könyv* «книга» — *könyvek* «книги» — *tíz könyv*, *sok könyv* «десять книг, много книг».

²⁷ Д. Вестерман, Множественное число и именные классы, стр. 74, 92. Примечательно, что этой гипотезой Вестерман опровергает высказанное им тремя

В подтверждение этой гипотезы Вестерман приводит также данные, касающиеся общих структурных закономерностей суданских языков в области строения генитивных конструкций (типа *дом отца*) и форм мн. числа существительных: по его мнению, препозиции генитива соответствует в языке суффиксальный способ образования множественности, постпозиции — префиксальный²⁸. Поскольку в языках ква генитив стоит на первом месте, суффиксальное положение показателя множественности естественно и отражает древнее состояние, по сравнению с чем появление классных префиксов, среди которых есть и показатели числа, должно расцениваться как более поздняя инновация, не диктуемая строем языка, а потому, вероятнее всего, представляющая собой суперстратное явление. Это интересное наблюдение Вестермана, сформулированное им в виде типологической импликации, заслуживает серьезного обсуждения, независимо от того, как мы относимся сейчас к глоттогонической подоплеке его многоязыковых сопоставлений. В связи с этим можно напомнить об одной универсалии Дж. Гринберга, согласно которой в языках с предложениями генитив находится в постпозиции, а в языках с послелогом — в препозиции²⁹. Как известно, предлоги типологически соотносятся с наличием в языке префиксации, послелог — с наличием суффиксации, и этот факт открывает возможность корреляции между указанной универсалией Гринберга и импликацией Вестермана.

Конечно, Вестерман не решил и не мог решить всех проблем, возникающих при описании языков с именными классами. Однако ему удалось обнаружить глубинные взаимозависимости именных категорий, а выдвигание в центр внимания морфологического критерия «классности» позволило наметить широкий типологический диапазон языков, различающихся степенью развитости категории класса (рудиментарная — зачаточная — развитая). Он убедительно показал также важность нестандартного и многообразного выражения мн. числа как одной из предпосылок к созданию в языке подлинной системы именных классов. Примечательно, что в процессе многолетнего изучения языков с именными классами Вестерман все дальше отходил от хамитской теории Мейнхофа, и в 1946 г. он высказался по этому поводу вполне категорично и недвусмысленно: «Нет никакого реального основания говорить об участии хамитских или нилотских языков (не имеющих никаких грамматических классов) в возникновении системы классов банту»³⁰.

Еще одно достоинство Вестермана как лингвиста заслуживает упоминания: он был не только тонким грамматистом и опытным лексикографом, но обладал также великолепной фонетической подготовкой. Знание фонетики он, как и его учитель Мейнхоф, считал необходимым условием успешной работы с африканскими языками независимо от того, в какой области лингвистики специализируется исследователь-африканист. В его трудах фонетическому описанию всегда уделялось большое внимание, и нередко он оказывался первым, кто давал точную характеристику звуковых особенностей тех или иных языков. Так, в одной из своих ранних книг, посвященной языку хауса³¹, Вестерман впервые точно описал смычногор-

годами ранее положение о рудиментарном характере именной классификации в языках ква, имевших прежде развитую систему классов (D. Westermann, *Der Wortbau des Ewe*, APAW, 1943, 9; русск. перев.: Д. Вестерман, *Словообразование в языке эве*, «Африканское языкознание», М., 1963, стр. 132).

²⁸ Там же, стр. 66.

²⁹ Дж. Гринберг, Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов, сб. «Новое в лингвистике», V, М., 1970, стр. 120.

³⁰ Д. Вестерман, Множественное число и именные классы..., стр. 93.

³¹ D. Westermann, *Die Sprache der Hausa in Zentralafrika*, Berlin, 1911.

танные согласные, что было отмечено А. Клингенхебеном в рецензии на эту работу³². Он был также одним из первых, кто установил значение тонов в хауса.

Вестерману не чужды были и такие непопулярные в то время исследования, как выяснение звукового и тонового символизма на материале особого разряда кваликативных слов, известных в современных грамматиках африканских языков под названием идеофонов (Вестерман называл их звукоподражаниями, хотя вкладывал в этот термин иной — не традиционный — смысл: звуковой комплекс, представляющий собой непосредственную звуковую реакцию говорящего на полученное смысловое впечатление)³³. Может быть, не все семантические ассоциации, найденные Вестерманом для звуков и тонов, кажутся в равной мере убедительными, но это описание структуры и значения идеофонов заложило основу для последующих широких исследований в этой области (в частности, работ У. Самарина)³⁴.

Но самым значительным вкладом в изучение фонетики африканских языков является практическое руководство, написанное Вестерманом в соавторстве с известной африканисткой И. Уорд³⁵. Эта книга получила высокую оценку специалистов, среди которых можно назвать и главу английской фонологической школы Д. Джоунза³⁶. Фонетическое описание авторы строят на теории фонем (в ее английском варианте), причем фонологический принцип распространяется и на просодический уровень (между прочим, здесь Вестерман впервые ввел в африканистику термин «тонома»).

Занятия фонетикой вплотную подвели Вестермана к важной практической проблеме — разработке научной транскрипции и практических алфавитов для языков Африки. В 1927 г. в Лондоне было издано руководство «*Practical orthography of African languages*», содержащее систему звуковых и тоновых обозначений, которая была разработана Вестерманом при участии Д. Джоунза и А. Л. Джеймса. Через три года вышло второе, расширенное и переработанное издание, содержащее в качестве приложения тексты на 22 африканских языках; тогда же книжка была издана на немецком и французском языках. Сам Вестерман так определил назначение этого руководства: оно «стремится предложить единообразное, простое и легко читаемое написание текстов на африканских языках и разработать общие принципы создания практических алфавитов для отдельных языков»³⁷. Алфавит Вестермана базируется на системе транскрипции МФА, причем соотношение знака и звука подчиняется фонематическому принципу; Вестерман предпочитал использовать строчные латинские литеры для обозначения сегментных единиц, а диакритиками обозначались назализация и тоны. Благодаря глубокому фонетическому знанию многих африканских языков, Вестерман сумел составить удобную систему, пригодную как для научных, так и для практических целей³⁸.

³² См.: «*Zeitschrift für Kolonialsprachen*», 1, 1910—1911, стр. 316.

³³ D. Westermann, *Laut, Ton und Sinn in westafrikanischen Sudansprachen*, «*Festschrift Meinhofs*, Glückstadt — Hamburg, 1927 (русс. перев.: Д. Вестерман, *Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках*», «Африканское языкознание», М., 1963).

³⁴ Обзор проблематики и библиографию по идеофонам см.: Б. В. Жуковский, *Идеофоны: сопоставительный анализ (на материале некоторых языков Африки и Евразии)*, М., 1968 (рукопись).

³⁵ D. Westermann, I. Ward, *Practical phonetics for students of African languages*, Oxford, 1933.

³⁶ См. его рецензию: BSOS, 7, pt. 4, 1933—1935, стр. 1020.

³⁷ См.: «*Orientalistische Literaturzeitung*», 31, 1928, стр. 310.

³⁸ В недавно вышедшей работе А. Такера дается обзор различных систем тонообозначений для языков Африки и отмечается, что система Вестермана пользуется

Алфавит Вестермана, известный также под названием «Africa», был введен в некоторых английских колониях, и первым испытательным полигоном стал Золотой Берег (ныне Гана), где этот алфавит был применен к языкам акан (с главными диалектами тви и фанти), та и эве; затем получили письменность на новом алфавите некоторые языки Нигерии (хауса, ибо, эфик, йоруба) и Сьерра-Леоне (менде, темне, сосо, коно, лимба)³⁹. В 1928 г. правительство Судана пригласило Вестермана принять участие в конференции, посвященной вопросам письменности и орфографии: в соответствии с тогдашней правительственной политикой, предполагалось стимулировать развитие языков Южного Судана (динка, нуэр, пидлук, бари, лотухо, мору, занде) на базе собственной письменности, отличной от арабской. При содействии А. Такера алфавит Вестермана был принят и использован для издания описательных грамматик, словарей и учебных пособий по этим языкам. Правда, после получения Суданом независимости все языки вновь были переведены на арабскую графику. В настоящее время алфавит Africa господствует в Гане, Сьерра-Леоне, Северной Нигерии, Уганде, в некоторых областях республики Заир и в ЮАР.

Уделяя столь серьезное внимание прикладным задачам языкознания, Вестерман выступал как убежденный сторонник просвещения и воспитания народных масс в Африке, отвергая элитный метод европеизации африканского населения. Став директором Международного института Африки, Вестерман видел задачи вверенного ему учреждения не только в организации научных исследований, но и в использовании результатов этих исследований для практических потребностей просветительно-воспитательной деятельности, о чем он сам говорит в сообщении об открытии института⁴⁰. Безусловно, эти его устремления были по своему содержанию гуманистическими, хотя сам Вестерман связывал их с общими задачами германской колонизации Африки⁴¹. Он искренне верил, что колониализм несет культурный прогресс африканским народам, ему импонировал британский метод «косвенного управления», только в своих представлениях о роли европейцев и путях аккультурации ими африканцев он был более демократичным. Так, он ратовал за введение местных языков как языков учебного процесса в африканских школах, за широкое вовлечение масс в культурное строительство. Его интересовала динамика языковой ситуации в Африке, функциональная стратификация языков, развитие местных лингва франка⁴². Его суждения по вопросам языковой политики в странах Африки отличаются гибкостью и трезвым пониманием реального положения дел. Говоря о стимулировании развития некоторых языков, могущих стать средством межэтнического общения в том или ином регионе, Вестерман предостерегает от субъективизма и пренебрежения к языкам более мелких племен. В каждом конкретном случае, указывает Вестерман, выбор языка как средства общения или как языка учебного процесса должен основываться на тщательной оценке сложившейся язы-

наибольшей популярностью, см.: A. Tucker, *Systems of tone-marking African languages*, «Bull. of the School of Orient. and Afr. studies», 27, pt. 3, 1974, стр. 600.

³⁹ См.: «A common script for Twi, Fante, Ga and Ewe», Accra, 1927; «Alphabets for the Efik, Ibo, and Yoruba languages», Lagos, 1929; «Alphabets for the Mende, Temne, Soso, Kono, and Limba languages», London, 1929.

⁴⁰ См.: «Koloniale Rundschau», Berlin, 1928, стр. 283; D. Westermann, *Sprache und Erziehung in Afrika*, «Afrika-Rundschau», 1, 1936.

⁴¹ Cp.: D. Westermann, *Sprachforschung und Völkerkunde als koloniale Aufgabe*, Berlin, 1941 (Festrede an Leibniztag der Preuss. Akad. der Wiss.); ег о ж е, *Afrika als europäische Aufgabe*, Berlin, 1941.

⁴² D. Westermann, *Swahili as the lingua franca of East Africa*, «The Church overseas», 6, 1933.

ковой ситуации и тенденций ее изменения⁴³. И в этом мы видим Вестермана-ученого, Вестермана-гуманиста, всей своей научной деятельностью опровергающего декларацию Вестермана-политика.

Вряд ли уместно в этой статье вдаваться в рассмотрение особенностей гражданской биографии ученого⁴⁴. Уходит в прошлое колониализм, и с ним уходит в небытие противоречия и заблуждения немецкого гражданина Д. Вестермана, а остается ученый Д. Вестерман, «чей вклад в изучение африканских языков не имеет себе равных ни в количественном, ни, по-видимому, в качественном отношении»⁴⁵.

⁴³ D. Westermann, Die Sprachen und ihre Bedeutung, в кн.: H. A. Bernatzik (Hrsg.), Handbuch der angewandten Völkerkunde, Innsbruck, 1947, стр. 149.

⁴⁴ Об этом см.: S. Brauner, I. Herms, K. Legère, Diedrich Westermann. Werdegang, Leistungen, Widersprüche und Irrwege eines bürgerlichen Afrikanisten, «Asien, Afrika, Lateinamerika», 1975, 3.

⁴⁵ D. T. Cole, The history of Afrikan linguistics to 1945, «Current trends in linguistics», VII — Linguistics in Sub-Saharan Africa, The Hague — Paris, 1971, стр. 26.